

Выбежала девушка-подросток, – такая же молодая и нежная, как вокруг оживающая весенняя природа, – из летней избы, зажмурилась от яркого теплого солнца. Радостно заулыбалась, блестя зубами. Было раннее утро, но солнце уже успело высоко подняться в темно-синее небо. Свежий ветерок ласкал матово-розовенькую кожу девичьих щек, сладко пахло оттаявшей и нагретой под лучами, землей... Весенний аромат распускающихся почек пьянил. Душа рвалась куда-то ввысь, хотела полета; тело заволакивало негой – сердце «таяло» в груди...

– Ты чо это – зимогором?! – подружка через двор (подошла незаметно) – рыжая конопатая Степана кривила рот в ехидной улыбке. Действительно: Агапка была одета в овечью полушубу прямого покрова с длинными узкими рукавами, застежках на кожаных пуговицах, на груди и по краям рукавов – строчные вышивки. На голове – плат: кус нового холста («новины»). – Жарко! Где браслеты-те?

– Вот одна... – Агапка показала: – Мати боюся...

– Скоро тебе поневу носить, а ты все матери боишься!.. Да не заметила бы она – сама же говорила, что навез-навоевал твой тятя, когда с нашим Володимирским князем ходил пустошить Рязанскую землю... За одну браслетину баба Чуга не приворожит тебе Устина, а мне Мокея!

– А давай к бабе Радуне!

– Она только лечит... Хоть грешно так-то делать, но теперь уж решено... Пошли к бабе Чуге: она, может, и на одну согласится – все-таки, сама знаешь, жадна она...

– Жадна! Все в старой избе живет... – Девушки шагали-бежали по улице Подгорцев на Низ – конец села. Солнце светило им глаза. – Говорят: копит, копит она... Для чего? Для кого? Помогла бы кому: радость, здоровье дал бы ей Бог...

Баба Чуга: высокая, чуть сутуловатая, мужеподобное лицо, над верхней губой большого рта – усики, пыталась улыбаться (глаза пусты: ничего не выражали), выслушала скороговорку Степаны, подержала – взвесила на руке браслет, рассмотрела, заулыбалась по-настоящему, показывая крупные желтые зубы, и – радостно:

– Согласна я, греха не боюсь: это по-вашему грех – крещены, – а я своих богов не омманываю, не предаю... Не отговаривайтесь, сикушки, на вас грех-от... Чо вы мне говорите? Грешны, грешны! По вашей вере уже рождение – грех... Да видала, видала, как в утай на вьюношник бегаете – сама там была, – прикусила язык, заозиралась, смотрела на девушек, но те как будто не слышали (скорее всего не поняли)... – В наше время все своими именами называли: Ярилиными днями... Ну-ко, чо вы там закрестились, дергалки!..

Девушки крестились в темноту угла. Баба Чуга распалилась:
– Двuruшничаете!.. Одной рукой креститесь – Богу молитесь, а другой колдуете?! Ничего нет святого!.. Ничему и никому не верит народ! Так, на всякий случай, крестятся – машут руками, в душе оставаясь пустыми, безвольными, точнее, своевольными, живущими по-звериному: страстями своими... Чо так вылупились на меня? – говорю вам: я не крещена – мне можно... Хе-хе!.. Все мы таки – я, может, первая... На днях не утерпела, когда в Град ходила, хоть и не крещена (страсть любопытно стало!), зашла в церковь Успенья Богомати и слушала молеенье с церковным пенъем... Ох, как поют!.. Но вот у многих – ничего не шевелится... крутят свои дурные головы и лыбятся: нет ни уваженья, ни страха перед Богом!.. – Баба Чуга закатила глаза, открылся рот, свесились губы, как у уставшей лошади, – стояла так какое-то время, очнулась: – Красота!.. Только ради этого можно в церковь ходить, окреститься (говорят, что все грехи снимутся) и молиться тама... одна не буду: с людьми, с Богом... В конце речь проповедную слушала. Поп церковный говорил... А сам-от какой: большие глазища алчным огнем горят на мордате сизобородом лице! Одежда на нем как на князе каком в праздничные дни: золотом-серебром шитое – слепит, сверкает при множестве горящих свечей... невысок, толст, чреват – не объять... Среди блеска и света горящего золота и серебра – темные лики: жуть как страшно и хорошо!.. Только говорил он о наших богопротивных поступках и стыдил нас, пугал, будто мы своими поступками и поведением гневим Бога и Бог послал на нас кару: появились неведомые татарове, которые пустошат земли: убивают, полонят, жгут... Опять пугал, что если мы не перестанем грешить, сами крещеные, не окрестим всех своих близких родных, истинно не будем верить в Бога, исполнять Его заповеди на Земле, то и к нам, на наши русские земли они придут... И молитвенно призывал церковослужитель побороть в себе все звериное и бесовское и приложиться душой и телом и добрыми мыслями ко Кресту Бога, и отмолиться от божьей кары молитвой и приношениями в божью церковь: кто чо может... Русские слова он произносил кувыркато, но понятно и на старославянский манер, и получалось, как будто с нами говорят на божьем языке...

– Ой, как страшно!.. Чо делать?.. – еще больше заполошились девушки.
– Чо делать?.. Сходить после этого в церкву, можно и даже лучше – во Володимир, благо великий град совсем рядом: пять верст на полдень, – свечку толстую поставить и все рассказать-покаяться Богу, сказать, что не для блуда вы эдак-то делали, а чтобы их, молодых жеребья, своими мужьями сделать... И не грешить больше, девки!..

– Почему же Бог такой: нужно постоянно Его бояться и чуть чо – наказывает?! – как еще наказывает! Бог таким не должен быть, если это истинный Бог!..

– Хватит, сороки, настрекочете!.. Если бы не было такого строгого Бога, то чо было бы!? По лесу нагими бегали бы вместе с лешими, жили звериной жизнью!.. По-церковному Он один (видать так!), и Он нужен вам, как родительская рука с хлыстом и вас – по заднице, по заднице!.. – Баба Чуга от удовольствия прищурила глаза, ощерила, оголив лошадиные зубы. – Но как вам не помогает (толстозады), так и людям злое думают, говорят и делают друг другу, отбирают у ближнего еду и кров, иногда и – жизнь. Это по-большому, а по-малому: в избе кричат, домового обижают, плюются при огне или даже в огонь; с чужими женками могут и не в разрешенные дни... В непраздничные дни могут и медком и бражкой или даже вином повеселиться – будто бояре или же князья каки!.. А чо вы на меня так смотрите?..

– Прости нас! Мы ведем себя...

– Да ладно!.. Вы перед Богом кайтесь... Я уж говорила: сама така: срамна: все коплю... В нищете и в голоде росла, потому и стремлюсь всю жизнь насытиться... И самое страшное: старости боюсь – одна – ни детей, ни рода!.. Но перед смертью все роздам – особо неимущим, многодетным, работающим, и Бог меня простит – пройду я проверку земной жизнью... Другие и этого не знают, не хотят знать – думают, вечно будут жить. Появилась седина – первая отметина смерти – перестань глупить: на тот свет ничего с собой не возьмешь, кроме души!.. И никого и никогда Бог не простит, если ты всю жизнь жил только для себя, себя ублаждал, чванился перед другими... Не перебивайте меня!.. Да чо вы говорите, всезнайки! Сказала же вам, что крещение приму после вас, грешниц, – вы последние будете – чистенькая буду... Богу не нужны никакие посулы – у Него все есть, а нет, то сотворит!.. Ему душа нужна человеческая, чистая, чтобы там душа могла помогать Богу, а грешные души забирает в ад Черт... Вот они и стараются на Земле каждый себе побольше душ набрать, но Черт больше набирает – люди сами в том помогают ему... Я хоть кака, а стараюсь людям... вам помогаю... хочю там вечно жить!.. С Богом!..

– Ты же не крещена!

– Я ж сказала – крещусь! Да при чем тут крещение?! – за добрые дела попадают в рай!.. Чо думаете: если крещеный, дак можно грешить, грешить, а потом раз перед смертью отмолиться или же купить себе отпущение грехов?! Нет, такого не бывает!.. Ладно, девоньки, – вдруг умиленным голоском, и тут же, вытерев рукавом глаза, высморкалась в подол, и – баском:

– Истопите-ко баньку!

– Бабушка...

– Кака я вам, дурочки, бабушка!..

И действительно: на них смотрела нестарая еще женщина – страстными огнеискрящимися желто-зелеными глазищами, большеротая, губастая, – готовая накинуться и вытолкать их. Девушки изумились, испугались, заизображали на своих личиках улыбочки. Завертелись. Степана вновь затараторила:

– Ой, прости нас ба... Чу...

– Кака я вам еще «Чу»?! Ладно, баньку-то – удивим Подгорцы: все работают, а мы – баньку... Пошлите в летник.

Они вышли во двор, вошли в летнюю избу: одновременно изба и клеть. Удивились Агапка со Степкой, когда оказались на втором этаже

клетки-избы: было чисто, светло и тепло. Но вот только – кругом сундуки: железные, деревянные, плетеные; и мешки, мешочки... Баба Чуга изменилась: лицо посветлело-помолодело, подобрело – глаза ее ласкали каждый сундук, каждый мешочек, тряпочку...

– Разденьтесь!..

Высокая стройная Агапка развязала плат – открывшаяся копна тяжелых золотых волос упала на плечи, – закрыла лицо...

– Ты бы, девонька, постыдилась (Агапка и без того робела-стеснялась своей белоснежной наготы): скоко одежды на себя наворочала!.. Повторяйте за мной! Ты, Степка, называй имя Мокея Тугого... Ты – Устина Тредворцева... Мне Устина жаль, а вот Мокея – дурня, лодыря – нисколь. Ох, вьюноши, сбесися понесут ваши ноженьки туда, куда укажет и потянет ваша чуга; разум помре пред страстью!.. Говорите за мной, поводя руками по своему телу вот эдак... – бабка срамно делала-показывала на себе.

Агапка ойкнула: «Не буду!..»

– Делай давай – все равно браслет обратно не отдам!

– Ты с ума сошла? – полненькая, толстозадая, раскрасневшаяся Степана накинулась на подружку. – Мне матери сказывала, что по-другому мужиков не привяжешь к себе – только «этим» женки и держат в первое время мужей!..

– А потом?.. – Агапка, преодолевая себя, кривляясь телом, руками проделывала такое!.. С виноватой улыбкой ждала ответа.

– Потом – дети, внуки... Привяжется кобелина – не выгонишь... – Степана все это выговорила по слогам, в коротких промежутках прыжков-полетов.

Баба Чуга лыбилась (уйдя мыслями и ощущениями в себя), ощерив рот до красных десен, топоча ногами, мотая головой, распущенные темные волосы – в разные стороны; обеими руками схватив правую длинную, до пупа, грудь, звонко шлепала ею себя голую, взвизгивая по-дурному, кричала:

– Не останавливайтесь: делайте, делайте!.. Потейте, потейте и желайте мужиков... Агапка! Куды?.. Поздно... На место! – баба Чуга схватила девушку и, как тряпичную куклу встряхнув, поставила на место. – Помните праздник-вьюношник... Раньше Ярилу из могучих мужиков выбирали, а сейчас греха боятся – трусливы стали мужики и хиловаты – приходится чучело делать с большой чугой, и то!.. Помните мужскую чугу и желайте!.. Без этого не можно приворотное зелье изготовить... Желайте-потейте, а я буду у вас протирать-смывать приворотный пот и собирать в горшочки...

Все втроем бесились: прыгали, крутясь, отплясывали «танец любви», кривляясь одновременно все вместе, проделывали руками и телом срамные действия. Вскрикивали слова заклинаний:

– ...Садись белый кречет на рабу божью (имя), на белые груди, в рети-во сердце, в кровь кипучую всю тоску-кручину, всю сухоту, всю чахоту, всю вялоту великую во всю силу его могучую, хоть и плоть его в семьдесят семь жил, семьдесят семь суставов, в становой его сустав-чугу, во всю буйную головушку!..

Доведшие себя до безумства девушки превратились в страстных демоничек. Но всех их вместе превосходила баба Чуга. При этом она успевала протирать потные молодые тела прыгающих в неистовстве «вакханок», орущих что-то нечленораздельное, страстное, смывала, споласкивала льняную тряпочку в ключевой воде (наговоренную), налитой в горшочек (для каждой свой горшочек).

– Ну, Степана!.. На жеребячий табун хватит, – говорила, дрожа от страсти, баба Чуга. Протирая у нее внизу, между ног: – Рыжие все таки!..

Провожая еще не отошедших, не вернувшихся полностью в реальный мир, озирающихся вокруг полоумными глазами девушек, говорила простоволосая колдунья:

– Мотрите!.. Делайте, как велела: сразу ставьте квас – в свежем больше силы...

В просторном, огороженном, утоптанном скотом и людьми дворе Троедворцев, как во всех русских семьях, уже с раннего утра кипела работа, озвучиваясь бодрыми сильными голосами людей: женщин, мужчин и веселыми, звонкими – ребенков; мычали коровы в хлевах – просились на волю; блеяли овцы; иногда вскудахтывали куры – снесли яйцо; ржали призывно лошади, запрягаемые подростками... Жили большими семьями – несколько поколений. Глава семьи – Антип. Вот он, прохаживается-распоряжается: рослый, могучая грудь выпирается из вотолы; русые волосы, бороду кое-где побелила седина – самый старый мужчина в семье Троедворцев, 46 лет, он один из мужчин уцелел, участвуя в многочисленных постоянных ратях, – в основном в междоусобных войнах русских князей. А вот женщины живут дольше и часто доживают до глубокой старости: жива еще его бабушка, 79 лет, матери 63 года – она вместе с его женой, братовыми вдовами-снохами весело и бойко ведут женское домашнее хозяйство: в избах, в скотном дворе, в огородах. Старшие женщины давали распоряжения, чтобы молодые вовремя убрали холсты, выложенные для беления; сгребли коноплю, которая зиму пролежала под снегом, а теперь готова и подсохла... и сами работали – не отставали. Антип с мужчинами: с младшим сыном Устином и племянниками, неженатыми еще, делали мужскую работу: во дворе, избах, клетях, амбарах, сараях, хлевах, овинах – готовили сохи, бороны; вытачивали деревянную посуду на лучных токарных станках; рубили, чинили избы, баню, другие постройки; успевали «рыбалить»: сетями, мерешки ставили; бортничали (как без меда!); зимой – охота; весной пахали, сеяли; в середине лета заготавливали сено, в конце – жатва – и все это весело – в радость!.. Сейчас вот едут помогать огнищанам: старшему и среднему сыновьям, племянникам – они со своими семьями отделились в починок, – нужно сжечь нарубленный посек в прошлом году, вспахать сохами и в новой земле, густо удобренной золой, посеять; помочь им нарубить новый посек (рядом, вокруг Подгорцев, пашни уже засеяли, предварительно осенью унавожив, – на открытых полях земля раньше просыпается). Он подумал о своих снохах: иногда огорчали они – не так легки на подъем, любят поваляться в постели, распустили их сыновья – дают им волю, нет положенной строгости к своим женам... и тут же – с умилением о братовых женах-вдовах: «Трудлюбивы, чтут старших и память своих погибших мужей!.. Везде успевают: варят, парят, помогают сеять, жать, сено косить, сушить, убирать и попутно коноплю рвут, сушат, мочат, снова сушат, мнут, теребят-чешут, прядут, ткут, шьют... Хлеб молотят – от нас, мужиков, не отстают, веют. Крупу в ступах колют; ручной мельницей зерно мелют... И все – с радостью, с песнями!.. Ребенков-мурашей нарожали, вырастили таких же, как сами: жорких за столом и ненасытных в работе!..»

...Устин запряг лошадь в волокуши: две длинные жерди-оглобли с круто загнутыми вверх концами, которые волочились по земле, они в

двух местах соединялись перекладами, на них была закреплена большая корзина, сплетенная из ивовых веток. Туда Устин помогал класть продукты: мешки с крупами – ячменем, пшеном; горохом; печеный подовый хлеб: пушной – из плохо провеянной и непросеянной ржаной муки – и ситный.

Подошедший Антип невольно залюбовался своим младшим сыном. Шестнадцатый год, а он уже с него ростом. Еще два-три года, и будет такой же могучий, как и он сам. Лицо у Устина успело покрыться золотистым загаром, на верхней губе отрос золотисто-желтый пушок. Такого же цвета волосы свисали до плеч, обвязанные вокруг головы синей ленточкой. Сын чему-то улыбался: белели зубы, сверкали синим цветом глаза – радовался жизни! «Женить его надо, нынче же, в Покров, тогда некогда будет телей ходить и лыбиться, а то забалует: что у него на уме-то?.. Говорят, с Агапкой ходит, как-то нужно присмотреться к ней – хоть людишки так себе – из худого рода, не уважаемы: воровством нажили богатство, но девка не в родителей – бывает и такое...»

Посмотрел вдаль, на северо-восток, где в трех верстах виднелся черный (смешанный) лес – хвоя на елях и соснах уже ярко зеленела и – о другом: «Начали ли жечь прошлогоднюю подсеку?.. Хорошо бы, если пожгли, можно было бы тогда пахать и сеять... Новый участок нужно срубить там же: на правом берегу Нерли...»

Во дворе неожиданно появилась Агапка – в руках берестяной туесок с крышкой, на смущенном лице – виновато-глупая улыбка. Подошла к удивленному Антипу – поясной поклон, еще сильнее зарделась и, повернувшись к Устину, подала туесок:

– Едешь?.. На тебе... по дороге захочешь пить... Сама делала, хлебный, не твореный...

Антип задрал бороду, выпятил нижние губы – левый глаз прищурен – разглядывал ее: «Долга, тонка – такая слаба в работе (что мордашкой – не в счет!)»

Устин еще больше был удивлен. Он ничего не понимал в действиях Агапки и никак и ничем не мог объяснить ее появление, поэтому, подчиняясь сказанным словам, глядя на нее как загипнотизированный, взяв в левую руку туесок, правой, вслепую нащупав крышечку, начал открывать...

– Поставь, Устинко... потом, сбегай борзо и вели Микитке и Теми-ту – я забыл сказать, – пусть вытащат медвежью шкуру и повесят на солнце, – и высоко вешают, чтоб собаки не порвали... Луки приберут и рожны с древа снимут и, протерев кипяченым конопляным маслом, повесят в клетки под потолком...

Выехали поздно, наверное, последние, если не считать Тугих, которые никогда не спешили – им работа – в тягость. Поехали в объезд, так как овраг можно было перейти только по мосту. Вешняя вода бежала по дну оврага с шумом, мутная, пенная, чуть не касаясь поперечных бревен моста. Переехав мост, поднялись по пологому северному склону оврага. Пошли по полю; в открытых местах тропа-дорога была суха, утоптана, начала прорастать ярко-зелеными остроконечными травинками, фиолетово-сине-зелеными на концах трубочками молочая; в конце поля, перед лесом на пригорках всюду желтели цветы мать-и-мачехи. В лесу стало сыро, тенисто, прохладно; вокруг кое-где белели подснежники, зеленели кустарники черники, подальше – брусника с крупными красными прошлогодними ягодами. Тихо шумел-говорил

лес. Хвоя на ели, пихте и соснах близи была еще зеленее. Приятно стало холодить, чувствовалось: в глубине леса снег только что растаял, ушел в землю.

На трех лошадях ехали Троедворцы на починок. Устин с отцом шагали за лошадью с возом позади всех. Впереди обоза шли племянники, за ними ехали женщины на лошадях, запряженных в летние сани, с ними младшие ребенки; табунок подростков убежал вперед.

Антип даже приостановился – только сейчас заметил: Устин шел в ступнях (будничная летняя обувь, плетенная из бересты) – по голенищам было видно, что он поверх портянок не надел ноговицы (сшитые из куска кожи, те не пропускали воду).

– Ты что?.. Работать едешь али так?! Ноги-то намочишь!..

– Я портянок намотал поболее...

Отец посмотрел строго на сына (Устин по привычке съезжился), но оплеуху не дал, зашагал:

– Что у тебя с Агапкой?.. Мотри, без баловства, а то я тебя!.. Другую найду – на Строгановых дочери... Они вон какие, все на подбор: коренасты, крепки и сильны, а главное, честны, порядочны и не лодыри – такие они хоть не богаты, но всегда они в достатке бывают, и души у них в спокойствии пребывают, и день и ночь в радости-работе – трудом живут, не воруют и не грабят – не губят свои души... Так-то. Агапка... Посмотрел на нее – давно ее не видел, с той осени – еще длиннущее, еще худшее стала: ноги как две жердины, сисек не видать... – посмотрел сыну в глаза: – Как дитя будет вынашивать, чем кормить?

– Тятя!.. Вырастут... – Устин красный, потный, еще что-то хотел сказать, но его сердито перебил отец:

– Вон, Видана, тетка твоя – ни одного толком сама не выкормила, ладно другие тетки у тебя титькастые – помогли твоих двоюродных братьев и сестричек выкормить!..

– Да ладно, тятя!..

– Что ладно? Вон жизнь-то какая!.. Опять, наверно, война будет: какие-то татарове появились, и будто бы они всех побивают... Нам и своих войн хватает: мы не только с русскими землями деремся, но уже теперь в своей, Володимерской... Некому от иноземцев оборонять: почти все взрослые володимерцы полегли под Липицами, когда братья-князья Юрий и Константин володимерский великокняжеский стол делили, – говорили, в церквях 9232 души отпели!.. А искалеченных!.. Сколько не сразу умерло, а после – придя домой... И с другой стороны – ростовцев и новгородцев не меньше, хоть и победители они – просто их побольше было... Прошло всего семь годов – ребенки ихние, у кого остались, кто успел обзавестись, – еще не успели подрасти... Я вот один из четырех братьев, дядьев твоих, в живых остался – остальные все головы сложили за князей...

Устин смотрел на отца, раскрыв рот, слушал, не замечая, что ноги у него иногда по лужам идут.

– ...В конце снежня* от князя Удатного** гонцы прибыли в Володимир с просьбой к нашему великому князю Юрию, чтоб вместе с русскими князьями и половцами выступил против неведомых татар и помог побить их.

– Послал помочь?

* Февралья.

** Великого князя Мстислава Мстиславовича Галицкого.

– Нет. Ни сам не пошел, ни свою дружину не послал... Ты что под ноги- то не смотришь?! – звонкая оплеуха, от второй Устин увернулся. – Дай-ко попить...

Уже попивая из туеска Агапкин квас, Антип говорил:

– Эх, уйти бы нам куда подальше на новые земли-места и не видеть, не слышать, не участвовать бы в этой грызне между князьями и боярами!.. Или же в монастырские земли податься, пахать и сеять – монахи забирают себе только на свое пропитание и содержание. А тут... как бы земля хорошо ни рожала вокруг Подгорцев, все не хватает: то этому дай, то другому оброк – то за это, то за то... Хорошо хоть новые земли подсечные выручают – с них три года не берут... на себя, в свою радость работаем-живем...

– Деда, дай!.. Тоже хотим пить, – откуда-то подскакали ребята-подростки.

– Натё, пейте, туесок-то обратно принесите. Ох, благодать!.. Никогда такого не пил, – пожалуй, надо подумать... Агапка... пожалуй... – улыбнулся, подмигнул сыну: – Какой вкус-аромат!..

Устин думал о своем, вдруг глаза у него вспыхнули:

– Вот бы в княжью дружину попасть!..

– Не то говоришь: я об одном – ты о другом!.. О деле надо говорить, а не пустое. Мы для земли рождены и на земле должны жить и радоваться: семье, детям... Какая радость пахать, сеять, жить среди полей, лесов, лугов, рек и озер, под небесами на воле вольной – тело и душа радуются – счастье-то какое!..

– Дак откуда берутся воины-дружинники? С наших Подгорцев тоже ведь есть...

– Чтобы хорошим воином быть, нужно с детства, с малых лет... Княжат с пяти-шести лет постригают, на коня сажают и от мамок-нянек дядьям передают, которые учат ратному делу, и не только... Читать, писать – грамоте учат... княжить... И детей боярских с малых лет готовят... Такие, как мы, могут только стать конюхами, стремянными слугами, оруженосцами – копыя, щиты и другое оружие таскать – и потом только в молодшую дружину попадают. У бояр есть тоже свои дружины, но только из холопов – это совсем другое... во время войн обычно набирают... Мне отец (деда не помню) всегда говаривал, что истоки жизни и всех благ на земле – народ. Все от народа: и хорошее и плохое – куда он настроится, повернется...

.....

...Стрела, еще несколько стрел, сотни стрел посыпались с шелестом сверху со стороны реки на правый берег: стукающе-скрежещуще-хрустящий звук, когда стрела на излете ударялась в песчано-гранитный грунт у воды или глухой стук – в истоптанный дерн; как град слышался, попадая в шлем, броню... Шлеп-чмок – когда в незащищенную часть тела, неглубоко рая, но – больно!.. Раненые кони дико взвизгивали, вставали на дыбы, вырывали поводья, сбрасывали седока и ускакивали прочь...

Дикий ор людей, вопли, визги... Бешеный галоп несущихся и сбивающих все на своем пути раненых коней...

Стреляли татары с левого берега через брод, стоя конным строем, не спускаясь к воде.

Когда прискакали Мстислав Мстиславович, Даниил Романович и Ярун на место обстрела, русские вои, прикрывшись щитами, начали уже стрелять – отвечать из самострелов (русские лучные стрелы на таком расстоянии, перелетая реку, не достигали до высоко стоящих на берегу противников).

Татары перестали стрелять, отошли от берега, исчезли из виду.

Даниил Романович поднял татарскую стрелу. Показал Мстиславу Мстиславовичу.

– Смотри, какие наконечники – ни бронь, ни кольчугу не проткнут..

Подходили, смотрели, удовлетворенные.

– На охоту и то такие не возьму...

– Что-то знакомые... Кажись, это не татарские...

Между тем крики, шум нарастали. Общее возбуждение среди русских!.. Подбегали, подсакивали конные на пляшущих конях – просили быстрее переправиться на левый берег, чтобы побить за «насмешку» татарву.

Ярун вздыбил черного рослого с лоснящейся короткой шерстью жеребца, развернулся и умчался к своей новгородской дружине и к приданным ему половцам, которые были уже готовы к выступлению и встретили своего воеводу громкими криками-призывами ринуться в бой.

Могучие новгородские конники – в тяжелой броне, в руках толстые длинные древки копий, слева у каждого, поблескивая на солнце бронзой, медью или железом, висел щит, – плотным строем шли за Яруном; за ними – пестрые конные отряды многочисленных половцев, во главе каждого – стойбищный хан в красных, синих, зеленых одеждах, у некоторых поблескивали на ушах кольца из драгоценного металла – кое у кого были кольчуги и шлемы, с луками в тульях, привязанных сбоку к седлу, в руках легкие длинные пики, – гортанно кричали, блестя черные глаза, светились бронзовым цветом потные лица, торопились к переправе...

Остров Хортица разделял Днепр на два рукава: левый – быстрый – и правый: раза в три шире и с более спокойным течением. До подхода русских войск пешцы воевод Домамерича и Держикрая Владиславовича успели построить наплавной мост с правого берега на Хортицу. Вот по этому мосту и ринулась конница подошедших русских и половцев. Мстислав Мстиславович, уже не колеблясь, отдал приказ начать переправу на левый берег – атаковать противника.

Пешцы («выгонцы галицкие»), с ног до головы увешанные оружием: копья, мечи, луки, самострелы, за спинами тяжелые колчаны, наполненные стрелами, слева у каждого тяжелый червлёный щит чуть ли не в рост человека – спускались с крутого скалистого берега Хортицы по вырубленным в граните ступенькам к воде. Садились в длинные лодки, закрывшись щитами по бортам и спереди, отталкивали тяжело осевшие лодки в водные струи левого протока Днепра и, быстро гребя веслами, мчались к левому берегу. Зеркально отсвечивала солнечными бликами река; брызги, шум, стук уключин и веселый возбуждающий гомон-рокот тысяч людей.

На острове тесно от войск. Со стороны кажется, что все смешалось, неразбериха... На восточной стороне острова, на краю невысокого каменистого берега стоит спешившийся Мстислав Мстиславович в окру-

жении своей охранной сотни, вестовых; рядом – стремянные с двумя его боевыми конями, оруженосцы. Великий князь весел, блестят на солнце его белые зубы; к нему то и дело подходят один за другим: князь, воеводы – как и он, все в бронях, латах.

...Великий князь Галицкий заканчивал давать наставления воеводам Юрию Домамеричу и Держикрай Владиславовичу (они вслед за своими сотнями собирались на левый берег):

– Отгоните их подальше в Поле и, огородившись копьями, прикрывшись щитами, бейте по ним из луков и самострелов – не давайте приблизиться к себе или обойти вас, – нам нужно время и место, освобожденная полоса на левом берегу, чтобы конные полки наши перевезти на тот берег...

Сел на коня – так виднее Мстиславу Мстиславовичу. Судя по ябеде дальних сторожей, там – союзники татар, а сами они где-то за ними прячутся. Вот последние лодки с воями-пешцами пересекли левый быстротечный проток. Передние взобрались уже на левый пологий берег Днепра и вступили в рукопашный бой с алано-касожскими полками.

Теперь Мстислав Удатный хорошо разглядел: «Точно не татарове. И стрелы те не татарские». Похоже было, что противник не в состоянии сопротивляться и потому уходит-бежит в Степь, оставив для прикрытия союзников. Он, Мстислав Мстиславович, все правильно делает: оставив на правом берегу часть половцев с кибитками, во главе с ханом Котяном для защиты с юга русских земель, переправившись на левый берег с войсками (пешцы, его конная дружина, присоединившиеся к нему Даниил Романович, Ярун со своими и конными половцами, союзные князь и бояре-воеводы) пустится в погоню за татарами, не обращая внимания на киевских, чернигово-северских и смоленских князей. Он один сделает то, что должны были сделать вместе!.. «Своих сторожей нужно оставить на переправе...»

Обогнув остров сверху, подошли и причалили весельные, сделанные из трех-четырёх лодок, паромы. Гулко стуча коваными передними копытами по деревянным плахам-настилам, заходили, нервно вскидывая головы и всхрапывая, ведомые за поводья кони. На паромы была загружена конная дружина Яруна, затем – половецкие полки. Конники стояли около паромных перил, каждый со своим полком, поглаживая морду, шею своей лошади.

Передние паромы переплыли, причалили, конница начала высаживаться. Ярун смотрел на приближающийся берег. Там уже не видно было сражающихся русских со спешившимися степняками, только знакомый шум-гул боя слышался с той стороны – врага оттеснили от берега. Вот уже, ведя за собой на поводу коней, вверх вбегали половцы, ухватившись за седла, взлетали на своих коней и с гиком-свистом уносились – исчезали с глаз...

Ярун оглянулся: на берегу Хортицы могучий всадник в сверкающем золоченом шлеме и в латах, подняв правую руку с мечом, радостно приветствовал-призывал их вперед – в бой!..

Слева, нагоняя их, шли паромы с конной дружиной князя Даниила Романовича.

Пахло рекой, свежей древесиной (устланый пол парома из только что срубленных и обтесанных деревьев был изрублен сверху подковами беспокойно топочущихся коней).

Паромы ходили – продолжали перевозить. Даниил Романович через вестового сообщил, что он со своей дружиной вместе с Яруном и половцами гонят врага, но с самими татарами еще не скрещивали мечи; спрашивал: далеко ли от Днепра уходить – гнать их?..

Великий князь послал ответ: «Идите как можно дальше в Поле за ними, не останавливайтесь! Я догоню вас».

...Джэбэ, стоя на кургане, одетый и вооруженный как воин тяжелой конницы, приподняв стальную личину (даже шея спереди и с боков была закрыта мелкочаеистой кольчугой, которая крепилась к шлему, сзади – к назатыльнику), щурясь, наблюдал за боем. Подправил висящий на левом боку тяжелый длинный палаш, обратился к рядом стоящим тысячнику багатур-нойону и юртаджи.

– Хватит!.. Достаточно!.. Гемябэк, у тебя восемь сотен: пять легкой конницы и три тяжелой. Пусти вперед пять сотен легкой – останови урусов, засыпь их стрелами; остатки бегущих аланов и касогов поверни лицом к врагу – чтобы ни шагу назад!.. (Приказ был исполнен немедленно: пять сотен легкой конницы умчались на запад.) Сам с тремя сотнями тяжелой конницы и бери всех моих аланов и касогов и гони на врага – закрой урусам на два-три дня дорогу в Поле, – из-под век сверкнули темные жгучие глаза: – Я разрешаю тебе достойно, как положено монголу-мужчине, умереть с оружием в руке!.. Так нужно богу Сульдэ – мы должны показать силу и как умеем, когда нужно, сражаться до конца, не отступив, не показав спины, достойно уйти к нему в Синее Небо, чтобы стать божьим воином. Мы давно не посылали ему монгольских батыров, пусть знает, что мы не стали трусами, не прощаем оскорбления и унижения, которое мы получили от своих врагов: убили наших безоружных мирных послов! Пусть Сульдэ всегда будет с нами, помогает, не отворачивается от нас!.. Нам нужно время, чтобы успеть подготовиться к большому сражению!..

Темник Джэбэ опустил закрепленную к шлему личину, изображающую морду тигра с оскаленной пастью, вмиг преобразился, приказал глухим из-под маски рычащим голосом:

– Проводим багатур-нойона Гемябека и наших братьев Непобедимых в последний бой на земле!..

Боевые трубы, бубны подняли трехтысячное войско алан и двухтысячное касогов. За ними вскачь – три сотни монгольской тяжелой конницы воинов-батыров во главе с тысячником Гемябэком. Чуть отстав, скакала за ними, провожая на бой, навстречу русским дружинникам многотысячная монголо-татарская конница Джэбэ.

Расстояние между сотнями тяжеловооруженных татар Гемябэка и последними рядами легковооруженных алано-касогов неукоснительно соблюдалось, так как тех, кто отставал, затапывали, изрубали, сбивали, – после двух-трех таких случаев алано-касоги подтянулись и, уже не сбавляя скорости, скакали вперед. Вскоре увидели легкие татарские сотни, которые, заметив догоняющих, прибавили скорость и вскоре скрылись за горизонтом.

Задние из касогов, оглядываясь, видели, как вплотную к ним, будто прицепившись, скачут, тяжело грохоча копытами, три сотни татар во главе с тысячником. За ними равномерно, не убыстряя и не замедляя бег, катилась конная лава Джэбэ. Мощные воины-татары (в тяжелую конницу отбирали самых сильных воинов и под стать им коней) в бле-

стящих черных латах из буйволовой кожи специально выделанных, обработанных и покрашенных; длинные тяжелые палаши (в полтора раза длиннее сабли или меча) в руках, луки в полуоткрытых чехлах висели слева рядом с круглыми щитами, прикрепленные к седлам. Колчаны со стрелами висели справа, задевая бедра. Лицо, шея воина защищены; крупы коней укрыты кожаными пластинками-латами, на мордах – огромные личины-намордники; кожаные пластины кое-где усилены стальными пластинами – все самое лучшее, передовое было взято у народов Китая и Средней Азии в вооружении и технике. Редкая стрела или копье, или меч, сумев пробить кожаные пластины, добиралась до нательного белья монголо-татарского воина, но и добравшись, как правило, не протыкала ткань из специального шелка, а уходила в глубь раны вместе с наконечником стрелы, копья, и, если потянуть ткань белья, легко вытаскивалась из раны – эта своего рода операция многим спасала жизнь, так как застрявший наконечник приводил к инфекции – к гибели раненого.

Расстояние между тремя тяжелыми сотнями Гемябэка и туменем Джэбэ начало увеличиваться. Отставшие конные лавы монголо-татар сворачивали налево, затем поворачивали назад...

Пять сотен легкой татарской конницы Гемябэка на бешеном скаку разворачивались в широкую лаву, охватывая урусов, скакавших навстречу на тяжело дышащих лошадях, не могших развить достаточную скорость.

Боярин-воевода Иван Дмитриевич вел свою полторатысячную дружину, обойдя справа – по приказу Мстислава Мстиславовича – сражающихся Даниила Романовича и Яруна с остатками бегущих алано-касогов, в Поле – разведка боем.

Вот татарская конница уже обхватила их подковой и быстро пошла на сближение. Иван Дмитриевич усмехнулся: противник явно переоценивал себя – в дружине воеводы в три раза больше воев. Хотя... то, что татары появились вдруг и смело атакуют, с какой скоростью выполняют маневры, говорило о том, что все не так просто и что противник опытен. Пригляделся и удивился: татары были хорошо вооружены, и в шлемах, и в легкой брони!.. («Вон какие татарове, а я-то думал!.. Только зачем столько колчанов со стрелами? – сейчас врежемся и порубим их!..»)

Они, сблизившись с русскими на расстояние полтора-два полета русских стрел, вдруг разом развернулись и закрутили «карусель», при этом бешено мчавшиеся в переднем ряду татары начали стрелять из луков и, выпустив каждый по десятку стрел, доскакивали до конца ряда, разворачивались и уже обратно скакали по второму ряду и, вновь развернувшись на другом конце, снова оказывались в переднем ряду, и все вновь повторялось... И поражало то, что расстояние при этом между русскими и собой они сохраняли!..

Стрельба из луков ошеломила русских, отрезвила – беспечности как не бывало, когда после первых выстрелов они десятками скатились, сползли, умирающие, с седел, повисли раненые. Длинные тяжелые стрелы с узкими стальными наконечниками на таком расстоянии легко пробивали броневые пластины, проходили сквозь кольчуги, как будто их и не было на русских воинах.

Лебедина, лошадь воеводы, сама, без команды, страшно напряглась, напружинилась вся и, вытянув белую шею, вдруг вырвалась вперед

и со страшным ускорением понеслась на татар. Его лошадь сделала то, что должен был сделать он, воевода Иван Дмитриевич: не дав времени на действия врагу, повести своих за собой на сближение, вступить в ближний бой, используя свое численное превосходство, изрубить, раз-метать противника.

Воевода, уже бешено несясь, вынул меч (в левой руке тяжелое длинное копье, справа висит, привязанный к седлу, большой колчан с су-лицами), закричал зычно, перекрывая грохот-шум, призывая всех за собой. Но большинство отстало от него... Удар-боль в левое плечо – плечо как огромный больной зуб! – до самой кости впилась татарская стрела!.. От боли застонал, – щит у него слетел, – он согнулся (лошадь, не сбавляя сумасшедшего аллюра, изогнув шею, кося глазами, посмотре-ла на него: в светло-карих лошадиных глазищах – дикий страх), прилег на гриву...

Татарская конница – миг, и разделилась, пропустила – атака-удар растянувшейся и сильно поредевшей русской конницы – в пустоту!..

Воевода неимоверным усилием, преодолевая боль и слабость, вы-прявился в седле, хриплым, но все еще громким голосом приказал остановиться и начать стрелять из луков. (Татары, скача с двух сторон, не переставали стрелять – выбивать русских.) Дружина воеводы, обра-зовав большой овальный круг, закрывшись щитами, начала отвечать стрелами, но не все выпущенные стрелы долетали и попадали в цель. «Лодыри!.. Даже луки поленились пристрелять, как натянули тетиву на луке...» – Иван Дмитриевич вспомнил, что ему самому только перед Хортицей оруженосец натянул тетиву, и он тоже не пристрелял лук.

Даже прикрытые щитами, то тут то там пораженные воины, вскри-кивая, вываливались с седел – тяжело с шумом грохались на изрублен-ную копытами степную траву.

Бой-перестрелка продолжалась. На одну пущенную стрелу татары отвечали тремя-четырьмя метко пущенными. Они стреляли только по всадникам, а незащищенных коней не трогали, и, как ни странно, но у многих русских это вызывали уважение... Воины легкой татарской конницы джигитовали, не стояли на месте, и в них даже с близкого рас-стояния было трудно попасть: носились на своих диких с виду конях, постоянно двигались, меняя положение, и будто без всяких усилий и не целясь, пускали стрелы, и, пока первая стрела успевала долететь и поразить, вслед за ней летели еще две-три – по другим уже целям...

Пересиливая боль, повернул движением ноги Лебедину, закричал своим двум сотникам, чтобы они атаковали татар слева от них, а сам с остальными дружинниками, развертываясь фронтом, пошел на сбли-жение с другой частью татар – которые справа...

Но быстрые татарские сотни не подпускали на ближний бой – вновь легко уходили, при этом продолжали стрельбу, нанося урон русским. Вот они вновь соединились вместе, развернулись назад и, ускоряясь (стрелять перестали), – расстояние до них увеличивалось на глазах, – одолели длинный пологий подъем и скрылись из виду...

Когда преследовавшая конная дружина вслед за бежавшими монго-ло-татарами одолела пологий косогор, то была неожиданно атакована скрывающимися за возвышенностью алано-касожской конницей.

От полного истребления дружины Ивана Дмитриевича спасли по-доспевшие великий князь Мстислав Удатный и его зять Даниил Рома-нович с Яруном и его половцами. Мстислав Мстиславович повел свою личную пятитысячную конную дружину в лоб, остальные обошли...

Скоротечный ожесточенный бой, и небольшая часть оставшихся в живых аланов и касогов, сумевших вырваться из окружения, бежали в Степь и рассеялись, но оказавшиеся за ними легкая татарская конница (уже знакомая) и три сотни тяжелой сражались... Они, организовав круговую оборону, вначале отстреливались – не подпускали; когда кончились стрелы, оцетинившись короткими копьями, бились в ближнем бою... Уцелевшие татары, привязав к седлу умирающего хана Гемябэка, каким-то образом смогли прорваться и уйти...

Посланные в погоню Ярун с половцами на рассвете следующего дня, нашли спрятанного в земле (в норе), на восточной стороне кургана еще дышащего тысячника хана Гемябэка. Остатки татар, расположившиеся тут же, почти все израненные, хотели отвлечь внимание и увести за собой преследователей, но были окружены. Никто из них не сдался, не попросил пощады.

Гемябэка привезли к великому князю Мстиславу Мстиславовичу. Как ни пытались, не смогли хану вернуть сознание. Только раз услышали из его спекшихся окровавленных губ тяжкий хриплый стон: «Баш аурта!...»

«...Половцы... выпросив у Мстислава (Гемябэка), зарезали».

Оставив на правом берегу Днепра (напротив Хортицы) с вежами многотысячную орду во главе с Котяном и тысячу пещцев из галицких выгонцев на острове Хортица, русские князья вместе с половцами бросились в Степь в погоню за «побитыми» монголо-татарами...